Сацыялогія

С.А. РАДИОНОВА

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПОЛЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современный этап развития социологического знания характеризуется тем, что социология активно осуществляет внутреннюю рефлексию, ставит под сомнение свои теоретические основания и установки, пытается переформулировать «идею» социологии как таковой, ее возможности и ограничения. Современный социокультурный контекст, в котором происходит самоопределение социологии, может быть охарактеризован через популярные метафоры многообразия, неопределенности, амбивалентности, релятивизации и «расшатывания» универсальных оснований, которые демонстрируют существенные изменения в восприятии социальной реальности и социального мира.

В историческом плане многообразие социологических концепций может быть сгруппировано вокруг нескольких основных понятий, представляющих традиционные для социологии дихотомии «системы» и «жизненного мира» или «структуры» и «действия». Напряженность и постоянно воспроизводимая актуальность этих дихотомий в социологическом дискурсе побуждают к поискам синтезирующих представлений, которые осуществляются с различных теоретических позиций. Задача данной статьи заключается в том, чтобы показать, что «повседневность» является одним из центральных понятий, на основании которого указанная дихотомия может быть преодолена. Возможность синтеза «структуры» и «действия» обеспечивается многозначностью и широким объемом понятия «повседневность», изучение которого позволяет проследить в сжатом виде важнейшие вехи истории социологии, критически осмыслить основные методологические подходы, а также продемонстрировать потенциал не только теоретического, но и эмпирического исследования. Таким образом, понятие «повседневность» оказывается необходимым для понимания основной тематики и проблем современной социологии.

«Повседневность» как один из основных концептов категориального аппарата социологии был разработан в 30-е гг. XX в. Альфредом Шюцем на основании социологической переинтерпретации философского понятия «жизненный мир», разработанного Эдмундом Гуссерлем. Однако явления, связанные с повседневностью, входили в поле социологической проблематики и до их феноменологического толкования. Новое значение, которое феноменология придала повседневности и связанным с ней терминам, полностью изменило их теоретический статус. Так, в классической социологической концепции Эмиля Дюркгейма, опирающейся на методологию позитивизма, повседневные знания означались как «препятствия» научного познания социальной реальности, которые подлежали «устранению», а не

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

проблематизации[1]. Предполагалось, что исследователь может полностью «отстраниться» от того знания и опыта, которые он получил в ходе своей жизни в мире повседневности, т. е. его позиция определяется через понятие «невключенность». Данная методологическая установка сближает социальные и естественные науки. Способ познания и принципы изучения объектов внешнего мира брались Дюркгеймом за образец для построения социологии.

Социологическая концепция Макса Вебера обнаруживает неоднозначное понимание повседневности и повседневного. Его подход критичен по отношению к социологизму Дюркгейма и позитивизму в целом. Критика основана на утверждении принципиального отличия природных объектов от социальных и культурных, изучение которых с необходимостью должно принимать во внимание их связь с сознанием и смыслом. Подход Вебера вытекает из того, что точка зрения исследователя в социальном познании не может быть столь же «объективной» и «независимой», как это достижимо в естественных науках, что, впрочем, не ведет к совершенной относительности знания в «науках о культуре». Вебер соотносит позицию исследователя с «интересом эпохи», который задает сферу интересов и способы постановки задач ученого[2]. В общем смысле «интерес эпохи» означает приближение социального познания к конкретно-историческому опыту того или иного сообщества, что показывает наличие связи между объектом и субъектом знания. Предположение о принципиальной соотнесенности объекта и субъекта проблематизирует тезис о «невкпюченной» позиции исследователя, чем классическая социология уже открывает возможность введения проблематики повседневности в сферу научно-социологического интереса.

У Вебера понятие «повседневность» появляется также в контексте изучения типов господства. Господство или типы властных отношений могут быть рассмотрены в двух вариантах: «харизма» и «повседневность»[3], где харизматическое господство связывается не только с личными качествами лидера, что характеризуется иррациональностью, но и охватывает процессы изменения, появления новых ценностей и смены хозяйственного порядка с их напряженностью по отношению к традиции. Концепт «повседневность» в данном случае нагружается несодержательными характеристиками, но позволяет определить теоретические рамки, в которых анализируется процесс смены одного порядка другим. «Оповседневнивание» как процесс означает создание устойчивых форм и структур «хозяйственной действительности», новых традиций и соотношения сил, что с неизбежностью следует за харизматическим переворотом. Таким образом, термин «повседневность» служит для обозначения нисходящего движения по упрощению и приспособлению инноваций к рутинизированному социальному порядку. Этот процесс закладывается в основание процесса институционализации и упорядочивания социальной жизни.

Итак, классическая социология либо полностью выводит феномены, связанные с повседневностью, из сферы своего интереса, либо понимает их в контексте выхолащивания и своего рода опустошения, т. е. акцентирует негативные стороны его социального употребления. Феноменологическая социология увидела в понятии «повседневность» большой положительный потенциал и высокую научную значимость, связанную прежде всего с понятием «жизненный мир» философии позднего Гуссерля.

«Жизненный мир» определяется Гуссерлем как «сфера дорефлексивных фундаментальных установок обыденного сознания, которые коренятся в практической деятельности»[4]. Феноменологический анализ показал, что «чистые» концепты и определения науки, прежде чем они были сконструированы и наложены на реальность, уже были даны в опыте в дорефлексивных «очевидностях» жизненного мира, отстранение от которых невозможно,

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

так как они находятся в основании любого опыта. Из данного положения следует, что обращение к жизненному миру и тому слою жизненного опыта, через который впервые открывается система «Я – Другой – Мир», должно стать первым актом познания в социальных науках. Таким образом, понятие «жизненный мир» и вышедший из него термин «повседневность» становятся центральными в феноменологической социологии.

Концепт повседневности требует исходить из того, что социальный мир до научного анализа определен и объяснен живущими в нем людьми, поэтому, приступая к осмыслению социальной действительности, исследователь имеет дело не с объектами, о которых ему «ничего не известно» заранее, не с некоторой «данностью», что утверждается позитивизмом, но с социальными репрезентациями, т. е. с относительными, предзаданными культурой и языком представлениями о социальной реальности. Репрезентация становится основным средством для описания социальной реальности. «Повседневность» открыла новый объект и новую тематику для социологического анализа, обозначив в этой дисциплине важнейшие вехи поворота к неклассическому способу мышления. Социология обратилась к проблемам, существенным для жизни людей в мире повседневных забот, отошла от позиции исследователя как «внешнего наблюдателя», отделенного от объекта анализа, а также сделала предметом своего анализа проблемы языка и практики повседневного взаимодействия.

Повседневный жизненный мир понимается в ведущих феноменологических концепциях Шюца[5], Бергера, Лукмана[6] как реальность, которая интерпретируется людьми, обладает для них субъективным измерением и означает для его членов «высшую реальность», воспринимаемую «бодрствующим» сознанием, и которая накладывается на сознание наиболее сильно и глубоко. Вера в существование и реальность объектов социального мира, восприятие его феноменов как «нормальных» и «самоочевидных» составляют естественную установку повседневности. Термин «естественная» подчеркивает, что она нерефлексивно усваивается «каждым» в процессе социализации, вследствие чего оказывается основой знания повседневной жизни. Понятие «знание» в данном случае охватывает широкий круг явлений – от рецептов и правил поведения в конкретных ситуациях до обобщенных представлений об обществе и мире. Важнейшее свойство естественной установки, задающее специфику повседневности как социального феномена, заключается в натурализации социальных репрезентаций, которые, будучи изначально социально сконструированными (оттого относительными и зависимыми от усилий по их поддержанию или изменению), наделяются свойством быть «объективной» реальностью по определению внешней и независимой от воли и желания конкретных индивидов.

Понятие «повседневность» играет двойственную роль в современной социологической теории. С одной стороны, оно вводит релятивность в процесс социального познания посредством определения социальной реальности через совокупность ее возможных репрезентаций. С другой стороны, понятие «повседневность» инициирует процессы натурализации и представления социальных артефактов в виде непосредственной «внешней» данности. В этом заключается синтезирующая роль концепта «повседневность», так как модель общества, построенная на феномене повседневности, должна одновременно учитывать как структурные моменты социального порядка, так и их зависимость от конкретной человеческой деятельности. В первом случае акцентируется объективность феноменов, что показывает связь с подходом Дюркгейма. Во втором случае появляется возможность учесть при построении моделей субъективные значения, которыми индивиды наделяют свои действия, что является центральной установкой Вебера, чем осуществляется преодоление традиционной дихотомии структуры и

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

действия. Наиболее интересный пример описания общества на основании понятия «повседневность» представлен проектом феноменологической социологии знания Бергера и Лукмана[6].

Авторы предлагают «диалектическую» модель взаимосвязи между человеком как создателем и социальным миром как его продуктом, которые взаимодействуют друг с другом, являясь частью одного и того же диалектического процесса экстернализации, объективации и интернализации. Социальный порядок существует лишь как продукт человеческой деятельности в своем генезисе (как результат прошлой деятельности) и в своем настоящем (он существует только постольку, поскольку человек продолжает его создавать, «конструировать»). Объективированный социальный мир, в свою очередь, переводится в сознание в ходе социализации. Человеческая субъективность превращается в языки, нормы, обычаи, формы государственного устройства и т. д. Но, однажды созданные, они воспринимаются индивидами как «чуждая фактичность», обладающая по отношению к ним принудительной силой. Их восприятие как объективных феноменов является одним из результатов процесса натурализации, тесно связанного с процессами легитимации, т. е. объяснения и оправдания социального порядка. Легитимация придает когнитивную обоснованность значениям, объективированным в языке и социальных репрезентациях, и наделяет нормативным статусом практические императивы социального порядка.

Модель Бергера и Лукмана, предлагая решение для оппозиции общество – индивид, представляет и общество, и индивидов как моменты одного и того же диалектического процесса, при этом не учитывается «онтологический разрыв», который существует между обществом и индивидом. Непроясненными остаются и социологические механизмы, опосредующие человеческую деятельность и социальную структуру. Модель феноменологической социологии Бергера и Лукмана строится, исходя из наличия «верховной реальности» или естественного центра репрезентаций как «само собой разумеющегося». Относительно реальности повседневного жизненного мира все другие реальности (науки, религии, культуры, политики и др.) оказываются частными и вторичными. Повседневность принимает роль такого невозможного центра*, относительно которого производятся определения социальной реальности и который задает все другие реальности, исходя из различия с собой.

Теоретический эффект, выражающийся в «экспансии» повседневности, является, с нашей точки зрения, результатом парадоксальности в содержании и употреблении этого понятия. Понятие «повседневность» появляется в подходе Бергера и Лукмана, как и в социологии в целом, в различном контексте. Его интерпретации противоречат друг другу, что побуждает усомниться в тождественности понятия «повседневность» самому себе. Оно включает многочисленные дихотомии: пространство образования смысла и его консервации, обозначение процессуальности и устойчивости, объективных условий и субъективных практик и др. Необходимо выделить те уровни смысла, которые задают парадоксальность понятию «повседневность», что осложняет осмысление его роли в социологических построениях, а также систематизировать философские и социологические, методологические и

* Понятие «невозможный» относительно центра социальных репрезентаций, на роль которого претендует повседневность в проекте Бергера и Лукмана, употребляется, исходя из принятия тезиса о задании понятия «социальная реальность» через понятие «репрезентация». То, что говорится о социальном мире, оказывается «подвешенным» и лишенным классического фундамента реальности-присутствия, который понимается как недоступный ни одной репрезентации социальной реальности. Так утверждается теоретическое равенство всех возможных репрезентаций и принципиальное неравенство условий их функционирования в обществе (относительно того, что определяется в каком-либо обществе в качестве «истинного» и «реального»).

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

содержательно-эмпирические его элементы, что позволит вписать данный термин в ряд общеупотребительных социологических категорий.

Первый уровень социологической интерпретации соотносит «повседневность» с его первоисточником – «жизненным миром». Именно их взаимосвязь дает возможность неупрощающего внимания и осознания глубины феномена, схватываемого в понятии «повседневность». Феноменологическое исследование повседневного жизненного мира представило его как особенный феномен, который не перекрывается никаким другим рядом социальных явлений. Как нам представляется, понятие «форма» может продемонстрировать первую, установочную, характеристику повседневности. Особенность повседневности как формы состоит в том, что она имплицитно признается и связывает социальных субъектов, так как им задается горизонт универсальной социальности, место всех возможных социальных явлений, общий резервуар значений. Повседневность-форма обеспечивает существование «заднего фона» «далее неразложимых», «общих» значений, что проявляется на всех уровнях социальной организации от индивида до сообщества. Отсюда феноменологическая философия и социология разворачивают все поле возможностей, открываемое повседневным опытом и его значениями.

Второй уровень описывает повседневность через понятие «поле взаимодействия», рассматриваемое как пространство связанных социальных значений, распределение которых задается социальными отношениями. Как нам представляется, работа Бергера и Лукмана осуществляется на данном уровне интерпретации феномена повседневности. Понятие «поле» используется в постструктуралистской концепции французского социолога Поля Бурдье[7] для обозначения структурированного социального пространства. Использование теорий полей позволяет, с нашей точки зрения, произвести дальнейшую «социологизацию» феноменологического подхода. Социальные представления в данной концепции фиксируются как таковые и соотносятся с позициями соответствующих агентов (действующих, активных социальных субъектов) в социальных структурах. Каждое теоретически выделенное поле (экономическое, образовательное, социологическое и др.) описывается через определенную конфигурацию позиций, которым соответствуют определенная группа социальных агентов и тип ресурсов. Ресурсами, за присвоение которых ведется «борьба» в каком-либо поле, выступают не только экономические, но и символические капиталы (знание, престиж, обладание правом на «называние» социальных феноменов), т. е. в процессе номинирования определенных социальных феноменов в ходе повседневного, политического или иных типов социального взаимодействия происходит их одновременное конструирование. Тезис о конструировании социальной реальности полностью отвечает характеристикам повседневности, исследованным в феноменологической традиции, рассмотренной выше, что оправдывает употребление понятия «поле» для исследования повседневности.

Подход Бергера и Лукмана был реконструирован в данной статье на основании понятия «повседневность», взятого в его процессуальном аспекте как хабитуализация, седиментация и объективация повседневного опыта в легитимных репрезентациях. В процессе оповседневнивания происходят конструирование институционального порядка, дифференциация и автономизация его отдельных областей. Таким образом, «повседневность» проникает во все уровни социальной организации и характеризует социальный порядок как таковой, исходя из повторяемости, анонимности, упорядоченности, структурности, устойчивости, типичности, утилитарности процессов и явлений, его составляющих. Мы предлагаем обозначить третий уровень как «повседневность-ресурс», где происходит конструирование не только поля

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm

повседневности, но и других полей. «Повседневность» понимается здесь в качестве важного ресурса наравне с экономическим, культурным и символическим, основная роль которого, по нашему мнению, заключается в легитимации социальных позиций и производимых ими репрезентаций.

Все три уровня понятия «повседневность» способствуют тому, что производимые с различных социальных позиций репрезентации социальной реальности включаются в процесс номинирования объектов и явлений социального мира. Переход от номинирования (т. е. производства социальных репрезентаций, исходя из какой-либо позиции определенного поля) к конструированию осуществляется на основании приведенных теоретических установок благодаря феномену натурализации представлений. Истоки стремления к натурализации обнаруживаются в дорефлексивных очевидностях повседневности как формы. Сама натурализация оказывается в таком случае необходимым условием вынесения какого-либо суждения о социальном мире, его объектах или процессах.

Приведенная систематизация понятия «повседневность» упорядочивает существующие способы его употребления и в силу этого открывает возможности его более активного использования при решении вопросов социального познания.

[1] См.: Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечание А.В. Гофмана. М., 1995. С. 5–165.
[2] См.: Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберианский ренессанс. М., 1991.
[3] См.: Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии // Вебер М. Избранное: Образ общества: Сб. ст. / Пер. с нем. М., 1994. С. 43–78.
[4] Филиппович А. В. Гуссерль // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн., 1998. С. 190–192.
[5] См.: Schutz A., Luckmann T. The structures of the life – world // Northwestern University Press. Evanston, 1973.
[6] См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М., 1995.
[7] См.: Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Начала: Сб. ст. / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1994. С. 181–208.

Радионова Светлана Анатольевна – аспирантка кафедры социологии. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В.Л. Абушенко.

В.А. СИМХОВИЧ

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА В ЯПОНСКОМ КОРПОРАТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Возникновение и существование феномена корпоративного человека в японском корпоративном, или деловом, обществе обусловлено целым рядом причин[1], среди которых социальный обмен имеет первостепенное значение. В Японии отношения мотивации и власти отличаются от принятых в западных странах и функционируют на базе принципов, в основе которых находится логика подарка, как в обществах, известных под названием «моральные экономики»[2]. В культурах такого рода самые важные социальные и экономические отношения, от которых зависит выживание и благосостояние групп и их членов, строятся на взаимном обмене материальными благами и трудовыми действиями. Обе стороны обмениваются подарками вместо того, чтобы торговаться о нормах поведения или участвовать в рыночном обмене. Такой обмен имел широкий спектр, например: подарки в чистом виде, когда даритель ничего не ожидает взамен; взаимный, пропорциональный обмен подарками между соседями или дальними родственниками; редкий случай бартерного или рыночного обмена, который обычно происходит между иностранцами в целях чистой конкуренции.

This document has been edited with Infix PDF Editor - free for non-commercial use.
To remove this notice, visit: www.iceni.com/unlock.htm